

Уильям ИРВИН

МАТРИЦА И ФИЛОСОФИЯ

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В ПУСТЫНЮ
РЕАЛЬНОСТИ

Уильям Ирвин
Матрица и философия.
Добро пожаловать в
пустыню реальности
Серия «Популярное искусство»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66909674

Матрица и философия. Добро пожаловать в пустыню реальность:

АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-145392-3

Аннотация

Выйдя на экраны кинотеатров в пасхальный уикенд 1999 года, «Матрица» уже в первый день проката стала своего рода философской провокацией. Вопросы, затронутые в повествовании о программисте Томасе Андерсоне, когда-то уже были озвучены Платоном, Декартом и Кантом: «Как определить реальность?» «Что такое личность?» и «Как соотносятся судьба и свободная воля?»

«Матрица» – это коктейль из различных мотивов: дзен-буддизма, юнгианской психологии, популярной квантовой механики, гонконгских фильмов о боевых искусствах и других «ингредиентов». Сестры Вачовски новаторски объединили в фильме аспекты популярной культуры и академического знания.

Философские концепции античных мыслителей и мрачные умозаключения ученых эпохи постмодернизма органично сосуществуют в научно-фантастической реальности. Однако настолько ли она фантастическая, какой кажется на первый взгляд? И что вообще есть реальность? Тринити наклоняется к уху Нео и шепчет: «Вопрос, вот что не дает нам покоя».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Сцена I	10
Глава 1	10
Вопросы и миссии	11
Что говорили Оракулы?	13
Миф о двух пещерах	18
Знание и реальность	21
Философия: непроторенная тропа	23
Глава 2	24
Почему мы можем оказаться в Матрице:	26
Злобный демон Рене Декарта	
Почему мы можем оказаться в Матрице,	30
продолжение. Злобный ученый Питера	
Ангера и «мозги в колбе» Хилари Патнэма	
Свобода от Матрицы: аргументы против	32
скептицизма	
Матрица и мораль: ошибка Сайфера	35
Знай себя	38
Глава 3	39
Знаем ли мы что-то на самом деле	39
Откуда Нео знает, что он в Матрице?	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирвин У

Матрица и философия. Добро пожаловать в пустыню реальность

*Посвящается Питеру Х. Хейру, который для
многих стал Морфеусом*

William Irwin

The Matrix and Philosophy:

Welcome to the Desert of the Real

Печатается с разрешения издательства Cricket Media, Inc.

В оформлении книги использованы фотографии из архива EAST NEWS Russia

© Copyright © 2002 by Cricket Media, Inc. f/k/a Carus Publishing Company

© Д. Постнова, перевод с английского, 2022

© EAST NEWS Russia, 2022

© Издательство АСТ, 2022

Благодарности

Огромное спасибо всем авторам за проделанную работу, соблюдение дедлайнов и потрясающие инсайты. Сотрудники издательства Open Court, в особенности Дэвид Рамзи Стил, Марк Аронсон, Керри Моммер, Лиза Мори и Дженнифер Асмут, делились опытом и мудростью и оказывали неоценимую поддержку. Мои ассистентки Триша Аллен и Дженнифер О'Нил вычитывали манускрипты и спасли меня от многих грубых ошибок и опечаток. Те, что остались, – на моей совести. Не в последнюю очередь спасибо моим друзьям, коллегам и студентам, с которыми я обсуждал «Матрицу» и философию, благодаря которым эта книга появилась на свет и которые давали важнейшие советы во время работы над ней. Конечно, перечислить всех невозможно, но среди тех, перед кем я в неоплатном долгу, – Рич Аньелло, Адам Альберт, Марк Конач, Билл Драмин, Роберт Гульднер, Пег Хоган, Меган Ллойд, Генри Нардоун, а также Клуб сократиков Королевского колледжа, Ион Скобль, Ник Тайленда и Джо Цеккарди.

Введение

Размышления о «Матрице»

Какую таблетку вы бы выбрали: красную или синюю? Речь правды или счастье неведения?

«Матрица» не только впечатляет спецэффектами, но и задает бесконечные вопросы. Может быть, мы в самом деле живем в Матрице? Это христианский фильм? Или буддистский фильм? Действительно ли ложки не существует?

Как заметил Славой Жижек, «Матрица» стала для философов чем-то вроде теста Роршаха. Экзистенциализм, марксизм, феминизм, буддизм, нигилизм, постмодернизм – в ней можно отыскать любой философский «-изм». Но «Матрица» – это не просто клякса на бумаге, а четко очерченная схема. Сестры Вачовски никогда не отрицали, что они намеренно вплетали в фильм множество философских тем и аллюзий в попытке ответить на главные вопросы бытия. В этой книге мы не пытаемся раскрыть все глубинные смыслы и добраться до истинных намерений создателей «Матрицы». Скорее, мы фокусируемся на том, какое грандиозное значение «Матрица» имеет для философии.

Перефразируя слова Тринити, нам не дают покоя вопросы. На что я могу надеяться? В чем могу быть уверен? На что я способен? Что реально? Что такое счастье? Что такое

душа? Что такое свобода, и обладаем ли мы ею? Может ли искусственный интеллект думать? Рассуждения на эти темы уводят нас в различные разделы философии: метафизику, эпистемологию, этику, эстетику, политику, религию. В своих поисках авторы обращаются, в числе прочих, к трудам Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Декарта, Ницше, Сартра, Селларса, Нозика, Бодрийяра и Куайна.

Однажды гениального вора Уилли Саттона спросили: «Почему вы грабите банки?». Он ответил: «Потому что там деньги». В таком стиле и мы можем ответить на вопрос «Зачем философам писать о столь мейнстримном явлении, как „Матрица“»? Потому что там люди. Человечеству по душе поп-культура – в наше время она стала международным языком. Цель нашей книги – объединить философию и поп-культуру.

Никто бы не возражал, если в поиске ответов на эти вопросы мы бы обратились к Данте, Гомеру и Шекспиру. Но если бы философия жила только в грандиозных трудах и была понятна только кучке профессоров, она бы стала невыносимой высоколобой наукой – какой ее по ошибке и считают многие. Но на самом деле философия окружает нас – прямо как «Матрица». Ее принципы можно применить ко всем аспектам жизни.

Любям нравится поп-культура; это общий язык нашего времени. Знаете ли вы, что Алия умерла до завершения продолжения Матрицы? А знаете ли вы, что Уиллард ван Ор-

ман Куайн умер меньше чем за год до этого? Многие знают о певице Алии, в то время как большинство людей даже не слышали о великом философе Куайне. Авторы этой книги стремятся увести читателя от поп-культуры к философии.

Эта книга не только для философов, она для всех, кто когда-либо ощущал «занозу в мозге, которая сводит с ума и не дает покоя». И пусть она станет началом погружения в кроличью нору философии, но никак не завершением. Среди бесконечных вопросов есть единственный призыв: **ПРОСНИТЕСЬ!**

Сцена I

Откуда ты знаешь?

Глава 1

Машины, пещеры и Оракул: Нео и Сократ

Уильям Ирвин

*Я говорю им, что все в порядке,
Наблюдая за тенями на стене.
Джон Леннон, *Watching the Wheels**

*Так часто мы живем в цепях,
Даже не подозревая, что у нас есть ключи.
*The Eagles, Already Gone**

Многие называют «Матрицу» вольным изложением «величайшей из когда-либо рассказанных историй». Библейская подоплека лежит на поверхности, а выход на экраны фильма в Пасхальную неделю 1999 года только подкрепляет это убеждение. Но лишь немногие осознают, что «Матрица» – это величайшая из нерассказанных историй. Речь идет о Сократе, который, несмотря на сопротивление общества,

отстаивал свои взгляды и в итоге поплатился за них жизнью.

Почему большинство людей не знают одну из величайших историй мировой культуры? Ответ прост: потому что ее рассказывают лишь профессора философии в университетах. Но не все люди поступают в университет, и не у всех поступивших есть в программе философия. История жизни Сократа должна присутствовать в детских книжках наравне с историей жизни Иисуса. По ней нужно снимать фильмы. Сестры Вачовски вместе с Киану Ривзом так и сделали, тщательно замаскировав образ. Но я бы позвал на главную роль Стива Мартина – идеальная кандидатура на бескомпромиссного Сократа. В режиссерском кресле – Стивен Спилберг. Заметить историю Сократа в «Матрице» невозможно, если читатель изначально с ней не знаком. К ней мы сейчас и обратимся.

Вопросы и миссии

«Мы в ходе миссии, к которой нас призвал Господь», – пела группа *The Blues Brothers* из одноименного фильма 1980 года. Их миссией по сюжету было с помощью концерта собрать деньги на спасение сиротского приюта, в котором они выросли. Миссией Нео было спасение человечества от порабощения машинами. Миссия Сократа была ниспослана ему Аполлоном через Дельфийского оракула. Он должен был «разбудить» жителей родных Афин.

При первой встрече в ночном клубе Тринити говорит Нео: «Вопрос: вот, что не дает нам покоя – что такое Матрица?». Сократа тоже мучил определенный вопрос: что есть хорошая жизнь? Пытливость испортила жизнь героям: Сократа осудили за сотворение собственных богов и моральное развращение юношества, Нео обвинили «практически во всех известных закону киберпреступлениях».

В диалоге «Евтифрон» (или «О благочестии») Платона изображается разговор Сократа и его друга, провидца Евтифрона. Сократ спрашивает: «Что есть благочестие? Что делает поступок благочестивым?», на что Евтифрон отвечает: «Благочестивое – значит угодное богам, а неблагочестивое – соответственно, неуютное». Казалось бы, достойный ответ, но Сократ задает следующий вопрос: «Благочестивое любимо богами потому, что оно благочестиво – или оно благочестиво потому, что его любят боги?» Нетрудно догадаться, что Евтифрона это разозлило.

Сократ всегда задавал простые вопросы, ответы на которые казались очевидными. Подвох был в том, что затем Сократ переходил к более сложным вопросам, которые рано или поздно заставляли его собеседников противоречить самим себе. Такой способ ведения диалога позднее назвали сократическим методом.

Что говорили Оракулы?

Пифия предсказала Морфеусу, что он отыщет Избранного, который, открыв людям правду, освободит человечество от рабства Матрицы. Нео же, в свою очередь, противится идее судьбы. Он отвергает мысль о том, что все предопределено, и верит, что сам контролирует свою жизнь. Сократ также отрицает идею судьбы. По крайней мере, именно на этом он настаивает в суде:

«Мой сподвижник [Херефонт] отправился в Дельфы и осмелился дойти до самой Пифии с вопросом, есть ли на свете кто-то мудрее меня [Сократа]. Пифия ответила, что никого мудрее нет» («Апология Сократа»).

«Когда я узнал, каков был ответ Пифии, то не поверил своим ушам. Что имел в виду Аполлон? Что за скрытое значение таилось в его словах? Ведь я прекрасно знаю, что не обладаю мудростью ни великой, ни малой» («Апология Сократа»).

И в самом деле, как человек, утверждавший, что «ничего не знает», смог оказаться самым мудрым на Земле? Сократ намеревался опровергнуть слова Пифии. Применяя свой метод, он опросил одного за другим всех мудрейших жителей Афин, но его постигло разочарование. По иронии судьбы, именно развенчав собственное невежество, Сократ доказал, что является величайшим мудрецом. Тогда он решил при-

нять на себя святую миссию – разъяснение согражданам их невежества – в надежде, что афиняне, лишь только им откроют их невежественность, присоединятся к нему в поиске истины.

«Будто бы этот город – использую абсурдное сравнение – лошадь. Крупная, рослая лошадь, но ввиду своего размера какая-то вялая. Заставить ее гарцевать может лишь укус овода. Я думаю, Бог послал меня быть таким слепнем, который без устали жалит каждого из вас, побуждая к действию» («Апология Сократа»). Тех, кто выбирает блаженное неведение, пытался сообщить Сократ, ждет скотобойня, а не рай.

Условия, в которых жили две названные Пифии, сильно отличались. Согласно греческому мифу, Зевс выпустил двух орлов – с запада и востока – чтобы определить центр мира. Место в Дельфах, над которым они столкнулись, и было признано омфалом, пупом земли. Там, на южном склоне горы Парнас, в невероятной красоте месте, и воздвигли Дельфийский храм Аполлона, в котором вещала Пифия. Морфеус приводит Нео не к центру мира, но в сердце Матрицы, которое меньше всего было похоже на идиллические пейзажи Парнаса.

Нео, терзаясь сомнениями, спрашивает у Морфеуса: «Она что, знает *всё*?» Морфеус, раздражаясь, отвечает: «Она бы сказала, что знает достаточно». Скептицизм Нео неодолим: «И что, все ее пророчества сбываются?» На это Мор-

феус с непоколебимой уверенностью говорит: «Постарайся не забивать голову тем, сбываются они или нет. Она – проводник, Нео, и она поможет тебе отыскать свой путь».

Посетители храма Аполлона в Дельфах (туда допускались только мужчины) совершали необходимые жертвоприношения, вносили оплату, а затем через жрецов передавали свой вопрос Пифии. Пифия же вбирала в себя «Дыхание Аполлона» (скорее всего, пары этилена) из котла, стоявшего над расщелиной в скале, и затем выдавала набор бессвязных звуков. Как полуночный курильщик в Вудстоке, жрица была способна говорить на непонятных языках. Затем служители храма истолковывали сказанное, заодно перекладывая пророчество в гекзаметр.

Как и гороскопы по телефону, эти прорицания обычно звучали размыто и оставляли широкий простор для интерпретации. Именно это подвело лидийского царя Крёза. Он пытался выяснить у Пифии, стоит ли ему идти войной на Персию прямо сейчас. Пифия ответила: «Если война будет развязана сейчас, то великое царство падет». Воодушевленный пророчеством, Крёз отправил свои войска в атаку – и на верную смерть. По сути, ему нечего было предъявить Пифии, которая просто не сказала ему, какое именно царство падет.

Пифия в «Матрице» – пожилая чернокожая женщина, живущая в криминальном районе. «Не то, чего ты ожидал?» – спросит она у Нео. Оракулы Аполлона одно время также вы-

бирались из женщин старше 50. В отличие от Дельфийских жриц Пифия лично встречается с теми, кто обращается к ней за пророчествами, и не несет бессмыслицу, хоть и тоже вдыхает некие пары – сигаретный дым и аромат из духовки, в которой печется печенье. Но и ее предсказание звучит размыто – точнее, она вообще сама задает вопросы. «Ты знаешь, почему ты здесь?». «Как ты сам думаешь, ты – Избранный?». «Я не знаю», – отвечает Нео.

Сократ тоже настаивал, что «ничего не знает», но Нео искренне пребывает в неведении, – как подтрунивает Пифия, «симпатичный, но умом не блещет». В итоге Нео сам приходит к выводу о том, что он – не Избранный. Провидица отвечает, что быть Избранным – это как быть влюбленным: никто, кроме тебя, не может почувствовать, что ты влюблен. «У тебя есть дар, но ты будто чего-то ждешь. Может, следующей жизни».

Напоследок Пифия спрашивает у Нео, знает ли он, что означает вывеска на латыни, висящая у нее над дверью. «Познай себя» – в этой фразе и заключается разгадка к ее пророчеству. Табличка с этой же фразой, только уже на греческом (*γνώθι σεαυτόν*, в отличие от «варварской» латыни *temet nosce*), висела и в Дельфийском храме Аполлона – и очевидно несла в себе больше смысла, чем сами предсказания Оракулов. Сократ это понимал и жил под собственным девизом «Неосмысленную жизнь и жить не стоит». Крёз не познал себя, за что и поплатился. Нео же аккурат к концу первого

фильма смог познать и поверить в себя, благодаря чему сразу несколько пророчеств Пифии исполняются: Морфеус действительно находит Избранного, в которого поистине влюбляется Тринити.

Самопознание – и правда ключ, без которого невозможно приобретение других по-настоящему ценных знаний. Мы познаем себя, проходя через трудности. На эту тему, помимо Сократа и «Матрицы», рассуждали во многих выдающихся философских фильмах и книгах. «Бойцовский клуб» на первый взгляд строится на юношеском максимализме: «Как можно утверждать, что знаешь себя, если ты никогда ни с кем не дрался?». По мере развития сюжета становится понятно, что этот вопрос задается не от избытка тестостерона. В фильме «Парни не плачут» Брэндон обманывает и себя, и окружающих, что вызывает непоправимые последствия. С непростым вопросом пытается разобраться и главный герой фильма «Помни»: «Как я могу врать самому себе? Потеря памяти – часть разгадки?». Можно сказать, Голливуд и Афины сходятся в главном: неосмысленная жизнь не заслуживает быть прожитой.

Обратимся к еще одной крылатой фразе, начертанной в Дельфах и упомянутой на той кухне: «Ничего лишнего» (греч. *μηδὲν ἄρα*). «Возьми печенюшку», – предлагает Нео Пифия. Не «возьми несколько с собой», не «ешь, сколько влезет» – одно печенье. Мы знаем, что они вкусно пахнут, и Нео, возможно, с удовольствием бы съел всю тарелку. Пи-

фия при этом курит сигарету и пьет нечто странное – скорее всего, алкоголь. Судя по всему, это означает, что Пифия знает меру в таких удовольствиях, в отличие от человечества, которое агент Смит называет «вирусом, поглощающим все на своем пути».

Миф о двух пещерах

Даже рабам и заключенным концлагерей иногда удавалось сохранять чистоту разума: «Они могут захватить мое тело, но не мою душу». История знает много доблестных примеров: Эпиктет, Фредерик Дуглас, Виктор Франкл, Джеймс Стокдейл, Нельсон Мандела, Джон Маккейн, Малкольм Икс, Рубин Картер. Хуже, чем сама тюрьма, может быть только тюрьма разума, о которой человек даже не подозревает, а соответственно, даже не пытается выбраться и не узнает, что был в тюрьме, даже если его оттуда освобождают. «Твой разум с рождения пребывал в темнице», – говорит Морфеус Нео.

«Представьте, что одного из пленников внезапно освободили и заставили подняться на ноги, поднять голову, взглянуть на свет. Каждое движение приносило бы ему боль, и, ослепший от света, он был бы не в состоянии различить объекты, от которых раньше видел лишь тени. Какова была бы его реакция, если бы ему сказали, что всю жизнь до этого он жил в иллюзиях, не имеющих ничего общего с реально-

стью, и лишь теперь приближался к более правдивому пониманию вещей? Разве бы он поверил, что эти, новые объекты – настоящие?». Это выдержка из «Государства» Платона, известная как миф о пещере. Нетрудно заметить, что эта аллегория идеально описывает состояние Нео после его освобождения из Матрицы.

Пленники в пещере закованы по рукам и ногам. Тюремщики устраивают для них своего рода театр теней, играя вырезанными из дерева фигурками животных при свете костра. Для пленников не существует другой реальности: они провели так всю свою жизнь и даже не предполагают, что может быть иначе. Одного из них освобождают, выталкивают наружу, и там, при свете дня, он впервые видит настоящий мир. Решив вернуться в пещеру, он рассказывает об увиденном товарищам, и они поднимают его на смех, рассудив, что тот сошел с ума.

Эта история списана с жизни Сократа, которого суд счел сумасшедшим и приговорил к смертной казни за попытку побудить людей к высшему осознанию реальности. Платон считал его своим учителем и сделал главным героем многих своих диалогов, в том числе и «Государства» с мифом о пещере. Идеально в эту аллегория вписывается и Нео, которого освобождают из Матрицы ради столкновения с «пустыней реальности». Как и пленники Платона, Нео скован цепями – а точнее, черными кабелями, через которые подпитывается иллюзия «Матрицы», ее собственный театр теней.

Кто именно освобождает узника в аллегории Платона, неизвестно. В «Матрице» же это Морфеус – в греческой мифологии бог пророческих сновидений. Нео поражен видом невольных пленников Матрицы – эмбрионов, в неведении спящих в капсулах, полных слизи. «Большинство этих людей не готовы к отключению от Матрицы», – поясняет Морфеус. Как и узник Платона, Нео медленно и трудно приспособляется к жизни за пределами пещеры. В начале он не готов признать, что вся его жизнь была ложью. «Почему мне так режет глаза?» – спрашивает он. «Потому что ты их раньше никогда не использовал», – незамысловато отвечает Морфеус.

«Корень учения горек, зато плод сладок», – писал Аристотель. Само слово «образование» (англ. education. – *Прим. ред.*) этимологически восходит к латинским глаголам *educare, educere* – «вести, выводить». Узника выводят из пещеры, Нео выводят из Матрицы. Клятва Гиппократа служит врачам напоминанием о том, что они являются хранителями медицинского знания, а не единовластными собственниками. Чтобы помогать людям, они должны делиться своими знаниями. Тех, кто получает образование в сфере философии, не связывает никакая клятва, но делиться этими знаниями не менее важно. Разумеется, пленник Платона был бы рад греться в лучах солнца и наслаждаться новообретенной свободой; но он решает вернуться в пещеру, чтобы поделиться знанием с людьми. «Разве не чувствовал бы он, как Ахилл

лес у Гомера, что скорее бы стал „рабом бедного крестьянина“ и вынес бы любые муки, чем вернулся к своей прошлой жизни?» («Государство»). Нео, в отличие от Сайфера, тоже был готов перенести любые испытания, лишь бы не возвращаться в мир иллюзий.

Знание и реальность

Все мы в той или иной степени являемся узниками убеждения в том, что окружающая нас реальность – единственно истинная и самая важная. Платон же считал, что ощущения, которые мы испытываем посредством наших пяти органов чувств, на самом деле не более чем жалкие пародии высшего уровня реальности – мира идей. Ярчайшие закаты, героические поступки, любимые конфеты – все эти вещи для нас реальны, но на деле они являются лишь бледными копиями истинной Красоты, истинной Справедливости, истинного Блага. Миф о пещере – не только завуалированный пересказ истории Сократа. В первую очередь, это попытка Платона подвести читателя к теории идей.

Как глубоко должна засесть «заноза в мозгу», чтобы человек вдруг решил заняться поиском Идей? И как люди понимают, что отыскиали их? Сократ и Платон утверждали, что полагаться нужно не на чувства, а на интеллект. Морфеус говорит Нео, что объяснить, что собой представляет Матрица, невозможно – это нужно увидеть. Но, как и в случае с

идеями, понять Матрицу можно не в буквальном «видении», а в прямом *знании*. Данное эссе не сможет рассказать вам, что такое Идеи, не поможет даже чтение Платона. Это часть фрустрации, которую перед нами ставят его диалоги. Что есть Справедливость? Что есть Любовь? Что есть Добродетель? В конце концов, что такое Идея? Эти вопросы обернулись казнью для Сократа. Так что читайте, соблюдая предосторожности.

Нео тоже понимает, что интеллект важнее чувств. Что разум важнее материи. Для Платона мир Идей более реален, чем мир материальный; для Нео «ложки не существует». Нео – реинкарнация того первого платоновского человека, освободившего людей. Платон верил, что интеллект и тело настолько чужды друг другу, что их травматичное объединение при рождении становится причиной потери памяти и всех знаний, реальной амнезии. Но это не та амнезия, к которой так стремится Сайфер. Скорее помутнение памяти, возникающее, если перебрать самогона, которым так щедро снабжает корабль Дозер. Спровоцированные соответствующими триггерами, в голове то и дело всплывают случайные детали. Дежавю для Платона – не «сбой в Матрице», а обрывки воспоминаний об идеях. Между инкарнациями, когда душа еще свободна от тела, мы обладаем знанием идей. Вся земную жизнь мы с помощью объектов материального мира вспоминаем то, что созерцала наша душа в мире идей. Ребенка не нужно учить тому, что цветы красивы – он знает это сам,

вспоминая саму идею Красоты и причастность к ней цветов.

Философия: непроторенная тропа

«Ты уже был там, Нео. Ты знаешь эту дорогу. Ты знаешь, куда она ведет – совсем не туда, где ты хочешь оказаться». Вспоминается классическое стихотворение Роберта Фроста: *«Я выбрал непроторенную тропу / И это всё изменило»*. Но многие ли люди действительно следуют этому принципу? Если бы все, кто называет эти строчки своим жизненным принципом, действительно выбирали непроторенную тропу, она бы со временем превратилась в шоссе с вечными десятибалльными пробками.

Красная таблетка – новейший символ смелого выбора. Большинство людей утверждают, что выбрали бы именно ее. В конце общего курса «Введение в философию» я предлагаю студентам выбрать между красным и синим маркером. Красный означает, что они хотят узнать, насколько глубока кроличья нора, и меняют свою основную специализацию на философию. Синяя же значит, что они вернутся к ранее выбранной специализации и забудут, что когда-либо интересовались глубинными вопросами и тайнами Вселенной. Большинство студентов раздражает само наличие такого выбора. Обычно никто не выбирает философию основным предметом – это слишком непрактично. Но некоторые все же не могут устоять перед соблазном.

Глава 2

Скептицизм, мораль и Матрица Джеральд Дж. Эрион и Барри Смит

Большинство из нас воспринимают мир таким, каким мы его видим, слышим и ощущаем. Какие могут быть сомнения в том, что вы сейчас сидите и читаете эту книгу. Вряд ли вы часто раздумываете над столь рутинными процессами, но если кто-то спросит вас, чем вы занимаетесь, ответ очевиден. Разве это не так?

Но Томас Андерсон тоже считает себя добропорядочным налогоплательщиком, равнодушным соседом и программистом в уважаемой компании. (Конечно, он считает себя и гениальным хакером Нео – но и эта, «тайная» часть жизни скрыта от правоохранительных органов, а не от него самого.) В этом смысле мистер Андерсон видит реальность так же, как мы с вами. Именно поэтому ему так сложно принять тот факт, что мира, каким он знал его всю жизнь, не существует. В реальности Томас Андерсон, как и все человечество, находится в рабстве у суперкомпьютера, который использует людей в качестве источника энергии и поддерживает иллюзию жизни в его мозгу. Как неутешительно объясняет Морфеус,

«Матрица окружает нас повсюду. Она здесь даже прямо

сейчас, в этой самой комнате. Когда ты выглядываешь из окна или включаешь телевизор, ты смотришь на Матрицу. Когда ты едешь на работу, идешь в церковь в воскресенье, заполняешь налоговую декларацию, ты ощущаешь Матрицу. Все это пыль, брошенная в глаза, чтобы ты не смог увидеть правду. А правда заключается в том, что ты раб, Нео. Мы все рабы, рожденные в темнице, о существовании которой даже не подозреваем. В темнице для разума».

Томаса Андерсона и его современников обманом заставляют верить в то, что они ведут полноценное существование, наполненное событиями. Но в реальности всю свою жизнь они проводят в крохотных капсулах, пока машины питаются их энергией. Когда Нео впервые видит, как обстоят дела, ему становится плохо, и он пытается вернуться к своей прошлой жизни в Матрице, пусть жизни искусственной. В своем порыве Нео не одинок: Сайфер так сильно хочет забыть ужасы реального мира, что решает предать свою команду в обмен на беззаботную жизнь в Матрице и возвращение в состояние сладкого неведения.

Некоторые философы не отрицали вероятность того, что все мы действительно живем в огромной иллюзии, подобной Матрице. Мы рассмотрим эту гипотезу, опираясь на труды западных мыслителей, и в особенности Рене Декарта. В конце мы вынуждены будем признать, что она основана на фундаментальной ошибке и представляет собой в лучшем случае метафизический бунт. Также мы порассуждаем о выборе

Сайфера вернуться в Матрицу с моральной точки зрения и постараемся доказать, что его ошибочные моральные убеждения стали причиной неверной оценки главных этических вопросов.

Почему мы можем оказаться в Матрице: Злобный демон Рене Декарта

В философии гипотеза об иллюзорности нашего мира продвигается сторонниками скептицизма. Как считают скептики, мы не можем быть на 100 % уверены в том, что внешний мир существует. Следовательно, любые наши знания о мире можно подвергнуть сомнению, как когда-то подвергли сомнению свой мир главные герои «Матрицы». Практика показывает, что столь категоричный скептицизм привлекателен в основном для двух групп людей. Одна из них – подростки. Их отчаянные попытки бороться с абсолютным родительским авторитетом зачастую перетекают в метафизическую плоскость: «Ничто не является тем, чем кажется!», «Я единственный знаю, что на самом деле правда!».

Вторая группа – собственно, философы, которые, в свою очередь, делятся еще на две подгруппы. Первая – те, кто еще не вырос из своей метафизической бунтарской фазы. Такие люди просто из принципа готовы ухватиться за самые абсурдные и даже заведомо ложные гипотезы. Многие из них всерьез считают, что подростки правы в своем радикализме.

Но по-настоящему нас здесь интересует вторая подгруппа философов. Это специалисты, которые считают, что на примере сценариев, подобных «Матрице», можно исследовать многие фундаментальные вопросы реальности и знания.

В самом начале своей книги «Размышления о первой философии» Рене Декарт обещает отказаться от всех своих убеждений, в которых усомнится хоть на секунду, потому что наука может основываться лишь на *абсолютно непоколебимых* фактах. Радикализм Декарта в данном случае оправдан, потому что его стремление подвергнуть сомнению все, что только возможно, служит интеллектуальной цели. К тому же отказ Декарта от всех убеждений наверняка носил бы лишь временный характер – это всего-навсего вопрос эвристики.

Свое исследование Декарт начал с убеждений, которые основываются на наших непосредственных ощущениях¹. Большую часть информации мы получаем и обосновываем с помощью органов чувств: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. К примеру, я знаю, что мой сосед по квартире вернулся с работы, потому что видел, как он подходит к дому, и слышал щелчок замка в двери. Декарт, однако, отмечает, что ощущения нас иногда подводят. Особенно это заметно, когда человеку нужно оценить очень маленький или далекий

---

¹ René Descartes, *The Philosophical Writings of Descartes*, translated and edited by J. Cottingham, R. Stoothoff, D. Murdoch, and A. Kenny (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), p. 12

объект. Но и в повседневной жизни нас может подстергать обман: возможно: фигура в капюшоне – это не наш сосед, а щелчок замка в двери – знак, что в дом пробрался грабитель.

Дальше – интереснее: Декарт утверждает, что даже, казалось бы, очевидное убеждение в том, что вы сейчас сидите в кресле и читаете эту книгу, можно подвергнуть сомнению. Обосновывает он это реалистичностью сновидений. Возможно, чтение книги в кресле вам просто снится, пока вы блаженно ворочаетесь в кровати. Зачастую мы осознаем, что все происходившее было сном, только по пробуждении. Об этом говорит и Морфеус:

«Нео, тебе когда-нибудь снились сны, в реальности которых ты был уверен на 100 %? Что, если бы ты никогда не смог проснуться от такого сна? Как бы отличил сон от реальности?»

Убеждения, основанные на информации от органов чувств, не соответствуют высочайшим требованиям Декарта, поэтому он вычеркивает их из списка. Далее философ переходит к знаниям алгебры и геометрии: их нельзя опровергнуть с помощью «сонного» аргумента. Как пишет сам Декарт: «Независимо от того, сплю я или бодрствую, два плюс три всегда будет равно пяти, а у квадрата не может быть больше четырех сторон». Однако в конце первой главы ученый предлагает еще более радикальный эксперимент. «Давайте предположим, – пишет он, – что злой демон невероятной силы и хитрости употребил всю свою энергию, чтобы

вести меня в заблуждение». Подобное существо, утверждает Декарт, вполне могло обманом привести нас к привычным выводам, что у квадрата четыре стороны, а два плюс три равняется пяти. Причем математикой злой демон наверняка бы не ограничился. Почему бы ему не заставить нас верить в само существование внешнего мира? А «земля, небо, воздух, цвета, звуки и другие вещи, которые мы ощущаем, на самом деле оказались бы иллюзиями, с помощью которых он заманил наш разум в ловушку». Выводы Декарта неутешительны: «Я вынужден заключить, что у меня нет ни рук, ни ног, ни глаз, ни плоти, ни крови, ни органов чувств – я лишь ошибочно убежден в том, что обладаю этими вещами».

Смотревшие «Матрицу» наверняка задавались вопросом: можем ли мы исключить вероятность того, что весь мир – на самом деле обман, поддерживаемый суперкомпьютером, который использует нас в качестве человеческих батареек? Как нам опровергнуть гипотезу Рене Декарта о том, что наша жизнь – одна огромная иллюзия, созданная злым демоном? Возможно ли это?

Почему мы можем оказаться в Матрице, продолжение. Злобный ученый Питера Ангера и «мозги в колбе» Хилари Патнэма

Более современная теория скептика Питера Ангера предполагает, что наше сознание захвачено не злым демоном, но безумным ученым². В своей книге «Неведение», вышедшей в 1975 году, философ предполагает, что кресла и книги – иллюзия, тщательно продуманная гениальным нейробиологом. Этот злодей с помощью суперкомпьютера генерирует электрические импульсы, которые через провода подаются в нужные отделы нашей нервной системы. Из этого сценария, по мнению Ангера, следует, что «никто не может знать наверняка, что в существование камней нас не заставляют верить манипуляции злобного ученого», а соответственно, никто не может знать наверняка, что камни действительно существуют. Следовательно, вы не можете знать наверняка, существуют ли кресло, в котором вы сидите, и книга, которую вы читаете.

Скептик Хилари Патнэм в своих научно-фантастических размышлениях заходит еще дальше. В книге «Разум, истина и история» (1981) он утверждает, что злобный ученый

---

² Peter Unger, *Ignorance* (Oxford: Clarendon, 1975), pp. 7–8.

заставляет нас верить не только в камни, книги и кресла, но и вообще во *всё*, что мы видим, слышим и чувствуем³. Уже в самом начале Патнэм просит нас вообразить, что наш мозг извлекли из тела и поместили в специальную колбу, наполненную питательными веществами. Мощный компьютер при этом посылает в мозг импульсы, заставляющие нас верить, что мы играем в теннис, смотрим любимый сериал, разговариваем по телефону с родителями и т. д. Патнэм предполагает, что программа достаточно умна, чтобы отвечать на все «позывы», которые пытается инициировать наш мозг. Например, если вы вдруг поняли, что вы хотите чипсов, компьютер заставит вас поверить в то, что вы действительно встали с дивана и сходили на кухню. В реальности же ваш мозг по-прежнему принимает водные процедуры в лаборатории безумного ученого.

Красочно расписав этот незавидный сценарий, Патнэм задает тот же вопрос: «Как вы можете быть уверены, что это не происходит с вами прямо сейчас?» И в самом деле, в отсутствие ответа на этот вопрос аргументы скептицизма, предложенные еще Декартом, занесены над головой всего человечества, как Дамоклов меч.

---

³ Hilary Putnam, *Reason, Truth, and History* (New York: Cambridge University Press, 1981), pp. 5–8.

Свобода от Матрицы: аргументы против скептицизма

К счастью, философам, не поддерживающим скептицизм, удалось ответить на вопросы, поставленные Декартом, Ангелом, Патнэмом и «Матрицей». Во-первых, важно помнить, что сценарий, предложенный скептиками, – всего лишь один из возможных вариантов, и к тому же крайне маловероятный. По Декарту, *знание* чего-либо требует *непоколебимой уверенности*, и мы не можем быть на 100 % уверены, что человечеством не управляют злой демон или безумный ученый. Если ваш сосед спросит, какая завтра будет погода, а вы ему в ответ выпалите: «Существует ли вообще погода?», «Существует ли время?», «Что такое „завтра“?», то он, скорее всего, решит, что вы сошли с ума, и будет прав. Для разных контекстов существуют разные стандарты того, что можно назвать знанием⁴. Максимально строгий метод Декарта идеально подходит для глубоких рассуждений о скептицизме, но в повседневной жизни мы абсолютно оправданно используем общепринятые и общеизвестные знания, не углубляясь в философию. В контексте повседневной жизни мы принимаем как данность то, что сидим в кресле, и просто знаем, кто выиграл последний чемпионат Европы по футболу.

---

⁴ David Lewis, "Elusive Knowledge," *Australasian Journal of Philosophy* 74 (1996), pp. 549–567.

лу и что на завтра передавали дождь.

В итоге получается, что вы действительно *знаете* – в полном смысле этого слова – многое о себе и окружающем мире. Ваши убеждения верны и подтверждены опытом. Вы *знаете*, что в данный момент бодрствуете, что Декарт давно умер, а «Матрица» – всего лишь фильм. Благодаря современной науке нам доступна и другая, не менее ценная и истинная информация: электроны меньше астероидов, рыбы не принадлежат к классу млекопитающих, Луна не состоит из сыра с плесенью и вообще из сыра. Но если мы в самом деле обладаем всеми этими знаниями, которые не раз были подтверждены наукой и здравым смыслом, мы вынуждены опровергнуть тезис Декарта, что знание всегда должно обладать совершенно особой (философской) определенностью, которой он требовал от утверждений в ходе исследования предположений скептицизма.

У эпистемологического подхода Декарта есть и свои, независимые от контекста проблемы. По сути, такой подход превращается в неразрешимую загадку, опровергающую саму себя. Как отмечали Теодор Шик – мл. и Льюис Вон, «пока [скептики] *не уверены*, что для знания необходима уверенность, они не могут этого и знать». В свете наших предыдущих сомнений насчет принципа Декарта сам по себе этот принцип перестает выглядеть корректным. В конце концов, наши повседневные и научные знания так же или даже более надежны, чем принцип Декарта. Именно признание ис-

тинности этих знаний дало нам возможность доверять своим наблюдениями при чтении работ самого Декарта. Итак, у нас есть серьезное основание сомневаться в утверждении, что знание требует уверенности.

Нам также нужно иметь в виду еще один антискептический аргумент, предложенный философом Бернардом Уильямсом⁵. Он развеивает наши опасения насчет того, что мы застряли в матрицеподобной системе, напоминая, что способность отличать сон от бодрствования предполагает знание о существовании обоих видов опыта и умения их различать. Мы можем осмысленно обсуждать разницу между ними, потому что она существует, и мы об этом знаем. Как пишет Уильямс, только «проснувшись, мы способны обнаружить природу сна». Получается, мы можем увидеть разницу между сном и бодрствованием, если мы *действительно время от времени бодрствуем*. И если мы способны различать эти два состояния, то нет причин беспокоиться о том, что наша жизнь предположительно полностью состоит из нескончаемых сновидений.

Философия снабжает нас набором инструментов для разрешения метафизической неопределенности, которую при вдумчивом просмотре может вызвать «Матрица». Наше знание о том, где мы сидим, что делаем и как выглядит мир вокруг нас, требует нефилософской определенности, а лишь твердых, основанных на контексте оценок, которые мы ис-

---

⁵ Bernard Williams, *Descartes* (Atlantic Highlands: Humanities Press, 1978).

пользуем в повседневных и научных целях. Следовательно, у нас есть достаточные основания не только быть убежденными в существовании этого мира, но и делать выводы о его сущности и строении. Как писал американский математик и логик Мартин Гарднер,

«Тезис о существовании внешнего мира очевидно полезен и настолько подтвержден опытом веков, что мы можем без преувеличения назвать его самой обоснованной из всех эмпирических гипотез. Никто, кроме сумасшедших и метафизиков, не найдет причин его оспаривать»⁶.

Матрица и мораль: ошибка Сайфера

Вдохновленные скептицизмом Декарта и «Матрицы», мы, возможно, пойдем за Сайфером, согласившись на отвратительную сделку с агентом Смитом. Устав от страданий реального мира, он готов сдать Морфеуса Агентам в обмен на зажиточную жизнь актера в Матрице. Сайфер знает, что Матрица иллюзорна, но он уверен, что может улучшить свою жизнь, забыв об этом факте и вернувшись в мир блаженного неведения.

Но Сайфер совершает огромную ошибку. Выбирая жизнь исключительно ради удовольствия, он предполагает, что удовольствие – единственное, ради чего стоит жить. Это миро-

---

⁶ Martin Gardner, *The Whys of a Philosophical Scrivener* [New York: Quill, 1983], p. 15, quoted in Schick and Vaughn, p. 87.

воззрение, согласно которому удовольствие является единственной самоценной единицей, известно под названием гедонизма⁷. Несмотря на то что гедонизм интуитивно может показаться привлекательным, философ Роберт Нозик приводит серьезный аргумент против него в своей книге «Анархия, государство и утопия». Этот аргумент нам особенно интересен, так как строится на еще одном эксперименте с мозгом в колбе⁸.

Для начала Нозик предлагает пофантазировать, что мы, возможно, бесчувственные тела, плавающие в колбе с питательным раствором. Затем он допускает, что существует некий аттракцион, «машина опыта», способная дать нам какой угодно желаемый опыт. Электроды, подключенные к нервной системе, заставляют человека почувствовать, будто он читает книгу, встречается с друзьями, пьет пиво и занимается другими приятными вещами, в то время как на самом деле мы просто подключены к аппарату. Можно запрограммировать себе успех, богатство, красоту. «Подключились ли бы вы к этой машине на всю жизнь?» – вопрошает Нозик.

---

⁷ Гедонизм является одним из главных компонентов утилитаризма – направления моральной философии, которое утверждает, что моральная ценность поступка зависит от количества счастья, которое он приносит. Основателями утилитаризма были Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль. См.: Bentham, *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* (New York: Hafner, 1948) и Mill, *Utilitarianism* (Indianapolis: Hackett, 1979).

⁸ Robert Nozick, *Anarchy, State, and Utopia* (New York: Basic Books, 1974), pp. 42–45.

Сайфер, конечно, отвечает на вопрос утвердительно. Большинство из нас же отнеслись бы к предложению с опаской – идея передать нашу жизнь во власть электродов не кажется такой уж безоблачной⁹. Нозик приводит череду аргументов, почему делать этого не стоит. Во-первых, «мы хотим совершать некоторые действия, а не просто иметь опыт их совершения». Ни аттракцион опыта, ни Матрица не позволяют нам совершать полноценные действия, а лишь создают видимость действия. Во-вторых, «Нам всем хочется обладать определенными качествами, а человек, болтающийся в аквариуме с жижей – это просто бесформенный сгусток материи. Невозможно сказать, смелый ли он, добрый, остроумный, любящий? И не просто „невозможно сказать“, он точно не обладает *никакими* качествами».

В-третьих, подключение к такого рода машине не позволяет нам полностью проживать реальность, несмотря на то что многие люди к этому стремятся. В итоге Нозик заключает: «Мы понимаем, что для нас имеет значение нечто помимо опыта, когда фантазируем о существовании аттракциона опыта и понимаем, что не стали бы им пользоваться». По такому же принципу мы, понимая, что для нас имеет значение нечто помимо удовольствия (или славы, богатства, красоты), изучаем решение Сайфера и делаем вывод,

---

⁹ Даже убежденный утилитарист Милль, похоже, не мог опровергнуть такие аргументы против гедонизма. В ответ на критику их с Бентамом идей Милль попытался определить несколько видов удовольствия – более высокие и более низкие.

что не поступили бы так же. Выбор Сайфера аморален. Выбор Нео в пользу «пустыни реальности» же, напротив, дарует ему возможность совершать настоящие действия и получать настоящий опыт, который придает его жизни смысл и моральную ценность. Как писал философ морали Джон Стюарт Милль, «лучше оставаться неудовлетворенным человеком, чем довольной свиньей; неудовлетворенным Сократом, чем довольным дураком».

Знай себя

«Матрица» принудительно сталкивает нас с малоприятными вопросами философского скептицизма. Тем не менее, немного поразмышляв над ними, мы понимаем, почему не стоит разделять сомнения скептиков по поводу существования нашего мира. Такие сомнения уместны лишь в рамках философских семинаров – в повседневной жизни они беспочвенны. Более того, мы видим, насколько Сайфер неправ в своем решении вернуться в Матрицу. Это заставляет нас не только признать существование внешнего мира, но и встретиться с ним лицом к лицу, выстроить в нем осмысленную жизнь и прожить ее полноценно.

Глава 3

Вероятность Матрицы

Дэвид Мицуо Никсон

После просмотра «Матрицы» невольно задаешься вопросом: а что, если я тоже живу в Матрице? Вдруг все, что я чувствую, – программа, сгенерированная суперкомпьютером, а я на самом деле болтаюсь в куче розовой жижи? Давайте для удобства назовем эту теорию Вероятностью Матрицы: возможно, я (или вы) сейчас на самом деле нахожусь в Матрице.

В этом эссе мы исследуем несколько вопросов, связанных с Вероятностью Матрицы.

а) Даже если мы на самом деле не в Матрице, какое влияние Вероятность Матрицы оказывает на то, что мы знаем и не знаем?

б) Как Нео может знать, что он действительно был в Матрице?

в) Имеет ли вообще смысл Возможность Матрицы?

Знаем ли мы что-то на самом деле

Хотелось бы сразу предупредить, что выводы, к которым я пришел – особенно это касается последних двух глав, – могут показаться некоторым читателям нелогичными и даже

противоречивыми. Но даже если мои аргументы будут выглядеть неубедительно, я надеюсь, что они хотя бы натолкнут вас на новые мысли.

Какое воздействие Возможность Матрицы оказывает на то, что мы знаем и не знаем? Заметим, в Возможности Матрицы мы не берем за основу утверждение, что мы *точно* находимся в Матрице, а лишь предполагаем, что такое возможно. Но если мы все же находимся в Матрице, то большинство наших суждений о мире и о нас самих не проходят проверку реальностью. Например, я убежден, что у меня есть машина, «Хонда Цивик», – но по факту никакой машины не существует, потому что я просто болтаюсь в куче розовой жижи. Следовательно, во-первых, Возможность Матрицы подразумевает, что множество моих убеждений в корне неверны.

Давайте на минуту предположим, что так и есть, и все, во что мы верим, на самом деле ложь. Обычно реакции людей на такой сценарий бывают двух видов. Первый: «Если ваше убеждение *может оказаться ложным*, значит, нельзя утверждать, что вы это *знаете*». Например, можно убежденно *верить* в то, что на Луне не живут гоблины. Но, скорее всего, вы никогда не были на Луне, а значит, *не знаете наверняка*, что их там нет, пусть вероятность этого достаточно мала. Получается, вы не можете утверждать, что на Луне не живут лунные гоблины.

Разумеется, я не призываю вас отказаться от всех своих взглядов. В конце концов, нам всем нужно *верить* хоть во

что-то. Просто не верьте в то, что вы что-то *знаете*. Конечно, этот подход очень близок к скептицизму Декарта. Чтобы найти хоть одно нерушимое убеждение, Декарт решил подвергнуть сомнению их все. Разумеется, он не видел «Матрицу», но написал собственный пугающий сценарий. В своих «Размышлениях о первой философии» он предполагает, что «злой демон невероятной силы и хитрости употребил всю свою энергию, чтобы ввести меня в заблуждение». Сама вероятность существования такого демона заставила Декарта поставить под сомнение все его знания – во всяком случае, те знания, которые ему мог внушить демон.

Второй тип реакции – «Если проанализировать употребление нами слова „знаю“ в повседневной жизни, то можно заметить, что часто мы признаем возможную обманчивость нашего убеждения, но по-прежнему называем это „знанием“». Действительно, в обычной жизни (а не когда мы пробираемся сквозь дебри философии) мы вряд ли добиваемся абсолютной неоспоримости убеждения, прежде чем назвать его знанием. К примеру, если на автобусной остановке у меня спрашивают: «Вы не знаете, который час?», я не задумываясь отвечаю: «Знаю, сейчас 12:30». Да, существует вероятность того, что мои часы отстают или сломались, но я по-прежнему утверждаю, что *знаю*. С какой стати философы вдруг решили все измерять по таким запредельным стандартам? Особенно учитывая, что сходя со своей философской трибуны, они сами перестают даже пытаться им соот-

ветствовать. Если кто-то попытается доказать мне, что мои убеждения неверны, я просто спрошу: «И что?». Значение имеет не сама *возможность*, а *доля вероятности*. И до тех пор, пока мне не продемонстрируют веские доказательства того, что мои убеждения не «возможно» неверны, а *вероятно* неверны, я и палец о палец не ударю.

Сам я склоняюсь ко второму взгляду. Но, возможно, можно просто заключить, что в этих двух мнениях ведется рассуждение о разных видах знания. Первый тезис говорит о «суперзнании», в котором никогда, ни при каких обстоятельствах не может сомнений. Именно такое знание пытался найти Декарт с помощью своего безжалостного метода. Второй же рассматривает «обыкновенное» знание, которое по-прежнему можно продолжать называть знанием, даже если у вас есть основания полагать, что оно, *возможно*, неверно. Однако если оно *вероятно* неверно, называть его знанием уже нельзя. Обе стороны согласны с тем, что Возможность Матрицы почти исключает существование «суперзнаний», но не сильно влияет на обыкновенные знания, которыми мы распоряжаемся. Поставленный под таким углом, вопрос «Знаем ли мы что-то на самом деле» несколько теряет свою остроту. Но, вероятно, так и должно быть.

Откуда Нео знает, что он в Матрице?

Давайте немного сменим тему и поговорим о том, как Нео

выясняет, что он в Матрице. В фильме утверждается, что Нео узнал (употребим это слово в значении «обыкновенного» знания) нечто ранее неизвестное: всю свою жизнь он провел в куче розовой жижи, пока суперкомпьютеры транслировали в его мозг ложные картинки. Откуда же Нео узнает об этом – если вообще узнает?

До того, как поставить Нео перед выбором между красной и синей таблетками, Морфеус говорит: «Объяснить, что собой представляет Матрица, невозможно – это нужно увидеть». Он не поясняет, почему, – но ответ очевиден: потому что на словах бы ему никто не поверил. Точнее, поверили бы только глупые или чересчур доверчивые люди, которых можно убедить в чем угодно. И это совершенно явно не те люди, которых искал Морфеус. Слепая вера (даже в то, что оказывается правдой) – не знание. Знание должно быть чем-то подтверждено. В традиционном смысле слова знание – это правдивое доказанное убеждение. Это не идеальное определение, но оно, по крайней мере, отсекает идиотские мнения и удачные догадки.

Нео выбирает красную таблетку, чтобы узнать, как глубоко ведет кроличья нора. Буквально через пару минут ему приходится наблюдать самые странные вещи, которые он видел в своей жизни. Разбитое зеркало собирается воедино, а когда Нео прикасается к нему, его тело начинает покрываться жидким зеркальным веществом. Внезапно он просыпается в капсуле, полной розовой слизи; прямо к его телу под-

ключены бесчисленные кабели. Вокруг него еще миллион таких же капсул. Летающий робот-паук, заметив движение, отключает Нео от сети питания. Затем героя спускают в канализацию, откуда его вылавливает гигантский подъемный кран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.